

По страницам следственного дела № 46197

В. В. Сорокажердьев

В конце восьмидесятых в связи с перестройкой в стране продолжилась реабилитация жертв политических репрессий, начатая еще в 50-е годы. Материалы, хранившиеся десятилетиями в архивах силовых структур, рассекретили, они стали доступными широкой общественности, благодаря им выявились неизвестные ранее страницы биографий многих писателей, ученых, политических деятелей, репрессированных в годы сталинского режима.

Проявился интерес и к местным личностям, уважаемым в прошлом людям, осужденным и забытым по известным причинам — как враги народа. Такой личностью является мурманский краевед В. К. Алымов.

Не скажу, что Алымов забыт. К 100-летию со дня рождения Мурманский отдел Северного филиала Географического общества СССР, где я работал ученым секретарем, и краеведческий музей провели конференцию, изредка печатались статьи о нем, в основном написанные профессором А. А. Киселевым. Евгения Пация из г. Апатиты опубликовала часть сказок, записанных Алымовым. И все-таки смерть краеведа долгое время оставалась белым пятном.

На волне эйфории гласности я обратился к тогдашнему начальнику Мурманского управления КГБ генерал-майору Г. А. Гурылеву с письмом и вскоре получил приглашение. Мне выделили стол и принесли столь желанное дело под № 46197. Не оговаривались ни сроки работы, ни контроль. И я, и историк А. А. Киселев, который независимо от меня также познакомился с делом Алымова, премного благодарны Геннадию Александровичу за отклик и благорасположение. К слову, Гурылев — редкий генерал, единственный на Мурмане, сам окунувшийся в краеведение, он собрал ветеранов ведомства, пригласил литераторов и за пять лет издал три тома воспоминаний чекистов и разных документов. Это немалое прибавление в историографическую копилку края.

Сейчас, составляя сборник памяти Алымова, решился включить протоколы допроса, три из четырех. Последний четвертый протокол не публикуется по причине повторов предыдущих.

С одной стороны — это материалы к биографии краеведа, с другой — пример того, как стряпались политические дела, как из мурманского интеллигента сделали руководителя «контрреволюционной террористической организации», как увлечение человека переиначили во вредительство, антисоветскую агитацию, шпионскую деятельность.

Палачам нужен был человек с именем, а навешать ярлыки, заставить признаться в несовершенных грехах — дело техники и навыков. Внимательный читатель поймет, обратит внимание на повторы выражений в вопросах и ответах — это свидетельствует о том, что, начиная со второго допроса, Алымов говорил под подсказку или принудительно подписывал заранее подготовленный текст. Нагнетание повторяющихся «страшных» слов («контрреволюционный», «диверсионный», «шпионский» и др.), явно подсказываемых или дописываемых сотрудниками НКВД, делалось для того, чтобы усугубить, утяжелить вину Алымова и товарищей по трагедии, чтобы у судей («тройки») не возникло сомнения в их виновности.

В деле есть протоколы очных ставок Алымова с обвиняемыми, также фальсифицированные, есть показания ученых-лингвистов Д. В. Бубриха и А. Г. Эндюковского, присланные из Ленинграда для ориентировки, геоботаника А. С. Салазкина, материалы пересмотра дел осужденных в 1940 и 1957 годах, а также документы, касающиеся сотрудников НКВД, виновных в фальсификации и осужденных. Но нет главного — показаний П. Н. Антонова и письма «на шведском языке» — рокового для Алымова.

О самом ведении дела № 46197, его фальсификации обстоятельно рассказал историк А. А. Киселев в большой статье «Саамский заговор» (см. библиографию Алымова), в различных северных изданиях она публиковалась четырежды, поэтому из-за экономии места мы еще раз не стали возвращаться к ней. Мы публикуем только документы, расшифровку имен и сопутствующие справки на всех 34 человек, проходивших по делу.

История саамского народа, российская его часть, пока не написана. Будущие исследователи еще будут возвращаться к этому и другим делам, хранившимся на полках КГБ. Ныне они переданы в Госархив Мурманской области.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО АЛЫМОВА ВАСИЛИЯ КОНДРАТЬЕВИЧА ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1938 Г.

I

ВОПРОС. Дайте следствию показания о Вашей службе до прибытия в г. Мурманск.

ОТВЕТ. В 1895—1911 — был рабочим, гравером по металлу и корректором. Находился в Петербурге и работал на разных предприятиях. Имел знакомство личное и по службе в данный период: Блюма Соломоновна Ландау, впоследствии Канадшкова (после развода с мужем в 1925 г.). С Ландау Б. С. был знаком и по работе РСДРП 1904—1905 г. Последний раз виделся с ней в Ленинграде в 1923 г. после долгого перерыва, т. е. после возвращения ее из ссылки (в ссылке находилась 1912—1917 гг.). С Денисовым Пантелеймоном лично знаком и по работе РСДРП на протяжении 1904 г. (умер в 1919 г.). С Дементьевым Иваном Николаевичем знаком лично и по работе РСДРП — лично с 1902 г., а по работе — 1904 г. Работает литературным критиком в Москве под фамилией Кубиков¹ — профессор литературы. Последний раз с ним виделся в г. Москве в 1933 году. Я был у него в гостях. Бройдо (Гордон) Евай². Знаком с 1913 по 1915 — живши на квартире в Петрограде. Последний раз встречался в 1918 г. по возвращению ее из ссылки.

С Шелудяковой Верой Александровной знакомство личное, близкое — с 1908—1910 гг. Последний раз встречался с ней в 1914 г. В данное время работает научным сотрудником-геоботаником.

С 1911—1916 гг. работал я техником по изысканию железных дорог. В этот период имел знакомство служебное:

Белокуровым — бывший инженер путей сообщения (застрелился в 1913 г.). Захаровым А. А. — инженер путей сообщения. Связь с ним потеряна с 1914 г. Викентьевым Л. В. — с 1911 по 1915 г. (застрелился в 1915 г.).

Лифаревым Д. С. — с 1911 по 1914 г., где он находится, не знаю.

В 1916—1917 находился в царской армии, рядовой-стрелок. Знакомства в царской армии не имел.

В 1917—1918 г. я был техником по орошению Бухары. Имел служебное знакомство с инженером Матвеевым Владимиром Петровичем. Знакомство продолжалось с 1915 по 1922 г. Связь прервана с ним с 1922 г. Находится в Ленинграде по Кировскому проспекту.

С 1918 по 1920 г. я служил в Красной Армии красноармейцем-санитаром. Знакомства по Красной Армии не имел.

С 1920—1921 г. я работал техником военнопутевых отрядов Западного фронта. Имел служебные связи с И. Харитоновым (умер в 1921 г.).

С 1921 по 1922 г. я работал техником-изыскателем железнодорожных линий в Запорожье. Знакомство имел с вышеупомянутым инженером Матвеевым В. П.

С 1922 г. нахожусь в Мурманске. Прибыл сюда по договоренности с представителем совпартшкол г. Мурманска Нитобургом, где и начал работать преподавателем в названных школах.

ВОПРОС. Уточните меньшевистскую деятельность названных Вами лиц, с которыми Вы имели знакомство.

ОТВЕТ. Из упомянутых мною лиц активнейшими меньшевиками были Ландау, в 1905—1906 г. пропагандистка, меньшевичка.

Дементьев И. Н. — пропагандист, председатель профсоюза печатников, находился в ссылке с 1909 — по 1917 гг. — меньшевик.

Гордон-Бройдо Е. Л. — старая меньшевичка, была организаторшей, пыталась распространить меньшевистские взгляды и на мою семью, когда я жил у нее на квартире.

ВОПРОС. Расскажите следствию Ваши связи в бытность Вашу в г. Мурманске.

ОТВЕТ. В Мурманск я прибыл в 1922 г., имел связи со следующими: профессор Герман Августович Ключе³ — директор Мурманской биологической станции. Связи были личные и служебные. С ним встречался в названной станции, в окрисполкоме, бывали друг у друга на квартирах. Последний раз встречался в Ленинграде в 1936—1937 г. — я был у него на квартире по улице Роза Люксембург (№ дома не помню).

С академиком сельского хозяйства Эйхфельд Иоган Ганцевич⁴. Знаком по служебным и личным делам, бывали друг у друга на квартирах.

Я у него был раза три, проживает на ст. Хибины Мурманского округа.

Комшиловым Яковом Алексеевичем⁵. Знаком по делам краеведения. Работает нотариусом.

Халапсиным Николаем Васильевичем⁶. Знаком лично. Работает врачом-бактериологом. Бывали друг у друга на квартирах.

ВОПРОС. Расскажите следствию о Ваших связях с заграницей.

ОТВЕТ. Связей с заграницей в период Советской власти я не имел. В дореволюционное время, в период 1906—1909 гг. я получал 2—3 открытки от знакомых Розы Иосиповны (жена вышеназванного Денисова), которая находилась в то время в Швейцарии. На открытке имелся вид Швейцарских гор. Она была курсисткой. Других же курсисток, присылавших в те времена мне карточки с видами, я не помню. Одна из них открытку прислала из Италии. Знаком я был с ней по Петербургу.

В 1913 г. я был в Персии, где работал техником-изыскателем железной дороги Джульфа-Тавриз и там заработал денег. По возвращению в Россию я ездил туристом в г. Константинополь, где пробыл дня четыре и прибыл в сентябре 1913 г. в Петербург.

II

ВОПРОС. Расскажите следствию о Ваших родственных связях.

ОТВЕТ. Родственники у меня имеются следующие:

1) Гарлицкий Владимир Владимирович — доводится мне сыном по жене. Инженер, 36 лет, работает инженером геологического комитета г. Москвы, где и живет — Пятницкая ул., д. 12, кв. 7.

2) Гарлицкий Борис Владимирович — тоже сын по жене. Инженер холодильного дела, 33 года, живет в г. Ленинграде — 3-я Советская, д. 22, кв. 5.

3) Гарлицкий Сергей Владимирович⁷ — также сын по жене. Осужден в 1937 г. на 8 лет. Отбывает наказание в г. Чибью.

Его жена Мухина Антонина Николаевна проживает в г. Мурманске, Красная ул., д. 5. Работает в Мурманской горбольнице сестрой.

Со всеми перечисленными моя связь с ними заключалась во взаимном посещении.

Больше никаких родственников я не имею.

ВОПРОС. Расскажите следствию о Ваших связях с финнами, саамами и членами Комитета Севера (в Москве).

ОТВЕТ. Я — Алымов — являлся с 1927 по 1930 гг. председателем, а с 1930 по 1934 гг. уполномоченным Комитета Севера при ВЦИК. В этот период ежегодно командировался на пленумы Комитета Севера в г. Москву. Вследствие этого имел служебные связи с членами данного комитета, в частности: с председателем Комитета Севера — член Президиума ВЦИК — Смидовичем Петром Гермогеновичем⁸ (умершим в 1936).

Бутурлиным Сергеем Александровичем⁹ — член Комитета Севера (умер в феврале 1938).

Терлецким Петром Евгеньевичем¹⁰ — членом Комитета Севера, перешедшим на работу в Севморпуть.

Малиновской — управляющей делами Комитета Севера. Где находится в данное время, я не знаю.

Чеботаревским¹¹ — Секретарь Комитета Севера.

Орловским¹² — консультант Комитета Севера. Где находятся в данное время Чеботаревский и Орловский, не знаю.

Из финнов никого близко не знаю и связи с ними не было. Саамов знаю многих, например, в мою бытность председателем и уполномоченным Комитета Севера направлялись учиться в Институт народов Севера (ИНС) в Ленинграде: Герасимов Андриан, Герасимов Александр, Герасимов Никон, Матрехина Надежда, Матрехина Евдокия. Кроме того из перечисленных многие бывали у меня в квартире.

ВОПРОС. Расскажите следствию, кого Вы знаете из саамов, финнов и членов Комитета Севера, настроенных враждебно к Советской власти.

ОТВЕТ. Враждебных настроений к Советской власти ни со стороны членов Комитета Севера, ни от финнов, ни от саамов я не слышал и не знаю. Были лишь стремления о создании Западного Саамского района с центром в Мурманске.

ВОПРОС. Расскажите следствию, какие настроения и кем распространялись, о создании федерации и автономии, а затем объединения с Финляндией.

ОТВЕТ. Я — Алымов — знаю, что Герасимов Никон¹³ — инструктор Ловозерского РИКа при обсуждении проекта сталинской конституции 1932 г., выступал в печати об образовании Мурманского округа с непосредственным подчинением центру (в Москве), кроме того в 1934 г. в Мурманском окрисполкоме, когда обсуждался вопрос о создании национальных саамских районов, то выдвигал вопрос о создании двух районов, кроме уже существующего, еще в западной части округа с центром в Мурманске.

Первоначально проект Западно-Саамского района выдвинул Черняков Захар Ефимович¹⁴ — бывший преподаватель Института народов Севера. Из Советской печати мне известно, что у финляндских лапуасцев-фашистов существует стремление создать Великую Финляндию вплоть до Урала. Какого-либо подобного мнения у саамов я не встречал.

ВОПРОС. Расскажите следствию, кого Вы знаете из саамов, имеющих связь с Финляндией.

ОТВЕТ. Из саамов, имеющих связь с Финляндией, я никого не знаю.

ВОПРОС. Расскажите следствию, с кем Вы связаны из антисоветских лиц в педтехникуме.

ОТВЕТ. Антисоветских лиц в педтехникуме я не знаю и связей с таковыми не имел. Из педтехникума я знаком с Яковлевым Лазарем Дмитриевичем¹⁵. Он приходил ко мне на квартиру, от него я записывал несколько сказок. В январе 1938 г. я слышал от преподавателя географии Владимира Рафаиловича (фамилию не знаю) о том, что в педтехникуме саамская группа стала считать себя на каком-то особом положении, вследствие чего они были распределены между русских, и упразднена как отдельная группа.

III

ВОПРОС. Следствию известно, что по контрреволюционной деятельности в Мурманске Вы были связаны с Черняковым З. Е. Дайте исчерпывающие показания по этому вопросу.

ОТВЕТ. Черняков Захарий Ефимович на работу в Мурманск прибыл из Института народов Севера осенью 1933 г. Первое мое знакомство с Черняковым относится к 1925 году, когда Черняков приехал в Мурманск для знакомства с саамским населением, проживавшим на реке Туломе Кольского района. Ко мне Черняков в указанное время прибыл с рекомендательным письмом профессора Штернберга¹⁶ (этнографа). В результате этой поездки Черняков написал доклад об экономическом положении саамов Кольского района. Содержание доклада Чернякова не помню, но помню, что этот доклад не давал каких-либо ценных материалов об экономике саамского населения, а больше отражал бытовую сторону жизни.

Черняков по политическим взглядам был националистом, взгляды сводились в то время:

а) к созданию большого национального саамского района в приграничных с Финляндией районах округа;

б) в этих районах местные органы власти должны состоять из саамов;

в) преподавание в школах должно вестись на саамском языке.

Эти свои взгляды Черняков пропагандировал: в разговорах, в печати и официальных письменных докладах Мурманскому окрисполкому.

Сторонником этих националистических взглядов Чернякова в указанное время, то есть в 1934 году, был Герасимов Никон¹⁷ (саам), работающий инструктором Ловозерского района.

ВОПРОС. Лично Вы разделяли националистические контрреволюционные взгляды Чернякова?

ОТВЕТ. Не разделял.

ВОПРОС. Выше Вы показали, что Черняков свои контрреволюционно-националистические взгляды неоднократно пропагандировал через печать. Приведите конкретные факты этой пропаганды.

ОТВЕТ. Со слов Емельянова Аркадия Ивановича¹⁸, доцента Института народов Севера, мне известно, что Черняков вокруг себя организовал группу студентов¹⁹, которых, по словам Емельянова, обрабатывал в националистическом духе, и когда с этими студентами хотел установить связь Емельянов, то Черняков и администрация не допустили к студентам-саамам Емельянова.

В 1933 году Черняков при участии Осипова Якова, Осиповой Н. и Матрехиной И.²⁰ (саамы) написал на саамском языке букварь с контрреволюционными националистическими записями, который был распространен среди саамского населения. Только в 1935 г. эти контрреволюционно-националистические записи в букваре были вскрыты Эндюковским Александром Гавриловичем²¹, преподавателем Института народов Севера, и учебники (буквари) были изъяты.

ВОПРОС. Вы уклоняетесь от дачи следствию показаний о своей контрреволюционной связи с Черняковым?

ОТВЕТ. Контрреволюционной связи у меня с Черняковым не было. Я с Черняковым был связан по работам, относящимся к изучению саамов, по совместной работе в Комитете нового алфавита²², по Институту народов Севера, по совместной работе при Мурманском окрисполкоме с 1930 по 1933 гг. Показания с моих слов записаны верно и мною прочитаны. Алымов.

**ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
ОБВИНЯЕМОГО АЛЫМОВА ВАСИЛИЯ КОНДРАТЬЕВИЧА ОТ 10 МАРТА 1938 Г.**

ВОПРОС. Вы ведете работу среди народов Севера?

ОТВЕТ. Да, занимаюсь работой одной национальности саамов (ранее они назывались лопарями), населяющих Кольский полуостров.

ВОПРОС. В чем заключается Ваша работа среди саамов?

ОТВЕТ. Эта работа носит чисто научно-исследовательский характер. Точнее — я занимаюсь изучением языка саамов, сбором народного фольклора и т. д.

ВОПРОС. Следствию известно, что Ваша «научная» работа является ширмой, за которой скрывается активная деятельность против советского государства по заданию одной иностранной разведки. Требуем дать об этом правдивые показания.

ОТВЕТ. Я показываю исключительную правду, никакой работы во вред советского государства я не вел.

ВОПРОС. С кем из научных работников Вы были связаны по Вашей «научной» работе?

ОТВЕТ. Из научных работников я был связан с Черняковым Захаром Ефимовичем, ныне работающим в Москве, Эндюковским Александром Гавриловичем, научным сотрудником Института народов Севера в Ленинграде, Антоновым Петром Николаевичем — бывшим секретарем Саамского алфавита, профессором Бубрих Дмитрием Владимировичем²³ и, возможно, не так близко с некоторыми другими.

ВОПРОС. Кто из этих работников вел антисоветскую деятельность?

ОТВЕТ. Об этом мне ничего неизвестно.

ВОПРОС. Нет, Вам об этом было известно и Ваша маскировка напрасна. Если Вы не желаете сразу рассказать сами, мы Вас изобличим документами.

ОТВЕТ. Да, лучше изобличайте документами, потому что я человек советский и уверен, что никаких документов, изобличающих меня, у следствия не может быть.

ВОПРОС. Следствие предъявляет Вам письмо, напечатанное на шведском языке, и зачитывает Вам выдержку из русского перевода: «Что касается самостоятельного Лопарского государства, то я думаю, что этот вопрос мы должны продвигать быстрее, эта идея имеет стратегическое значение». Вы с этим документом знакомы?

ОТВЕТ. Этот документ мне в 1935 году зачитывал Антонов Петр Николаевич²⁴, так что я с ним знаком.

ВОПРОС. Какой смысл этого документа?

ОТВЕТ. Что же Вы спрашиваете? Смысл — ясно — контрреволюционный. Но причем тут я, ведь документ принадлежит Антонову.

ВОПРОС. Вы напрасно не раздражайтесь, а лучше скажите, зачем Вы солгали, что не знаете о контрреволюционной деятельности лиц, связанных с Вами по «научной» работе?

ОТВЕТ. Солгал, а зачем — сам не знаю.

ВОПРОС. Если так, то расскажите подробнее о контрреволюционной деятельности Антонова Петра Николаевича.

ОТВЕТ. Собственно, особенного что-нибудь я сказать не могу, так как и сам не знаю. Антонов лишь показал мне этот документ и сказал, что существует идея создания самостоятельного Лопарского государства с широким самоуправлением. Я на это не обратил внимание, тем более, что письмо это, как мне объяснил Антонов, исходит от работника Коминтерна Валлениус Аллана²⁵. Сейчас я не сказал об этом следствию, не желая причинить неприятности Антонову из-за мелочей.

ВОПРОС. Может быть Вы не желаете причинить неприятности и о других не говорите, так предупреждаем Вас, что Антонов арестован и сам рассказал как о своей, так и о Вашей контрреволюционной деятельности²⁶.

ОТВЕТ. Что он мог сказать о моей контрреволюционной деятельности, если я ее не вел?

ВОПРОС. Он показал, что Вы также, как и он, являетесь участником контрреволюционной организации, занимались шпионской и прочей подрывной деятельностью против советской власти и Ваше заpiresтельство глупо.

ОТВЕТ. Да, это я и сам вижу и вынужден признаться, что я действительно до моего ареста вел активную контрреволюционную работу и постараюсь правдиво изложить в своих показаниях.

ВОПРОС. Давно пора это сделать. Начните показания с того, как и когда Вы вошли в состав контрреволюционной организации.

ОТВЕТ. Как Вам уже известно, я в течение целого ряда лет занимался изучением Мурманского края, особенно интересовался жизнью, бытом и языком саамов (лопарей), населяющих Кольский полуостров. На этой почве я познакомился с рядом научных сотрудников, работающих среди народов Севера, их я уже перечислял впереди. Особенно близко я сталкивался с Черняковым, Антоновым и Эндюковским. В результате длительного общения и систематического обмена мнениями мы сошлись близко на основе общности антисоветских убеждений. Черняков и Антонов посвятили меня, что существует законспирированная контрреволюционная националистическая саамская организация и предложили мне войти в нее. Познакомившись с задачами этой организации и имея враждебное отношение к политике ВКП(б) и советской власти, я согласился войти в контрреволюционную организацию. Это было в 1935 году.

ВОПРОС. Какие цели преследовала контрреволюционная организация, в которую Вы были вовлечены Черняковым и Антоновым?

ОТВЕТ. Наша организация ставила своей задачей объединить все контрреволюционные силы среди саамов для борьбы с советской властью, подготовить соответствующие формирования, которые в момент войны должны будут поднять восстание против советской власти. В предвоенное время наряду с подготовкой восстания мы должны были вести диверсионную террористическую шпионскую работу и националистическо-контрреволюционную агитацию.

Вся эта работа должна свестись к тому, чтоб добиться отторжения Кольского полуострова к Финляндии.

ВОПРОС. На какие силы Вы рассчитывали, строя такие широкие планы?

ОТВЕТ. Конечно, силами только саамов эти планы мы осуществить не могли и повстанческая работа строилась в расчете на помощь вооруженных сил Финляндии, Германии.

ВОПРОС. Следовательно, Ваша организация была связана с фашистскими организациями Финляндии и Германии?

ОТВЕТ. Информировав меня о ходе контрреволюционной работы и вообще о характере националистической организации, Черняков и Антонов сообщили мне, что аналогичная националистическая контрреволюционная организация существует в Карелии. Далее они подробно сообщили, что между карельским и саамским националистическими центрами существуют соглашения о координации контрреволюционной деятельности и, наконец, что вся эта работа ведется под руководством фашистских организаций Финляндии, которые гарантируют предоставление автономии Карелии и саамскому государству под протекторатом Финляндии.

ВОПРОС. В общем Вы были в сговоре с фашистской Финляндией против СССР?

ОТВЕТ. Да, это так. Теперь не скроешь.

ВОПРОС. Чем Вы должны были помогать фашистской Финляндии в период подготовки интервенции против СССР?

ОТВЕТ. Я уже сказал, что мы наряду с подготовкой восстания против советской власти должны были вести диверсионную и террористическую работу, снабжать финские разведывательные органы шпионскими сведениями и распространять среди саамов идею «Великой Финляндии».

ВОПРОС. Что это за идея «Великой Финляндии»?

ОТВЕТ. Идея эта исходит из фашистских финских кругов. Заключается она в том, что Финляндия должна включать в свои границы финно-угорские народности, населяющие СССР, — мордву, карелов, марийцев, народы Севера и др. В общем, по этой идее, Финляндия должна отторгнуть от Советского Союза территорию до Уральских гор.

ВОПРОС. Вы сказали, что существует карельский и саамский националистические центры. Назовите членов Карельского центра.

ОТВЕТ. Лично я с именами контрреволюционного националистического карельского центра никогда не встречался и знаю об этом только из информации Антонова, который, сообщив мне о существовании этого центра, одновременно под большим секретом сообщил, что в него входят крупные работники, в частности Гюллинг²⁷ — председатель Карельского Совнаркома и Ровио²⁸ — секретарь Каробкома ВКП(б) и что он, Антонов, с ними находится в личной дружбе еще по какой-то прошлой совместной политической работе. Других членов этого центра ни Антонов, ни Черняков мне не назвали.

ВОПРОС. Назовите членов центра Саамской националистической контрреволюционной организации.

ОТВЕТ. В состав контрреволюционного центра Саамской националистической организации входили:

- 1/ Черняков Захарий Ефимович — бывший научный сотрудник ИНСа, проживает в г. Москве.
- 2/ Эндюковский Александр Гаврилович — научный сотрудник ИНСа, проживает в г. Ленинграде.
- 3/ Антонов Петр Николаевич — бывший секретарь Комитета нового алфавита, проживает в г. Петрозаводске.
- 4/ Валлениус Аллан — бывший работник шведской или норвежской секции Коминтерна, проживает в г. Москве.
- 5/ Я — Алымов Василий Кондратьевич.

ВОПРОС. Откуда Вам известно, что Валлениус Аллан входил в состав националистического контрреволюционного центра?

ОТВЕТ. Это мне стало известно из информации Антонова, который, как я уже ранее показывал, в 1935 г. заявил мне, что он по нашей контрреволюционной работе связан с одним бывшим партийным работником, с которым еще до революции вместе работал где-то за границей. Он показал мне письмо, написанное на шведском языке, и перевел его на русский, затем объяснил, что оно исходит от Валлениус Аллана, работавшего в Коминтерне. Тут же сообщил, что он входит в сформировавшийся контрреволюционный центр нашей националистической организации. Впоследствии я и сам установил контакт по контрреволюционной деятельности с Валлениус через Антонова.

ВОПРОС. К чему сводилась практическая деятельность как контрреволюционного националистического центра, так всей организации в целом?

ОТВЕТ. Практическая деятельность контрреволюционного националистического центра заключалась в создании повстанческих диверсионно-вредительских групп — Ловозерской, Воронинской, Нотозерской, Иокангской, Юркинской и Мурманской, которые под руководством центра вели активную контрреволюционную работу:

- а/ разваливали колхозы путем саботажа работы, разложения дисциплины, хищения и порчи имущества, антиколхозной агитации;
- б/ совершение диверсионных актов — путем поджога лесов и пастбищ, заражения оленей и т. п.;
- в/ вели активную контрреволюционную националистическую агитацию, распространяли провокационные слухи о политике советской власти, восхваляли фашистский режим Финляндии и даже призывали к террору против руководителей ВКП(б) и советского правительства;
- г/ готовили повстанческие кадры из кулаков, бывших белогвардейцев на случай военных действий против СССР.

ВОПРОС. Перечислите известных Вам участников повстанческих диверсионно-вредительских групп, которые Вами были созданы на периферии, и укажите руководителей этих групп.

ОТВЕТ. В Ловозерской контрреволюционной группе состояло до 15 человек. Непосредственно возглавляли ее Герасимов Никон и Герасимов Александр²⁹. Я лично был связан только с ними и других не знаю. Повстанческую группу в погосте Воронье возглавлял Яковлев Александр³⁰, свое руководство этой группой я осуществлял через него, в эту же группу входили: Дмитриев Семен³¹ и Фефелов³² — бывший председатель колхоза.

Нотозерской повстанческой группой руководил Герасимов Андриан, работающий в райисполкоме, кто в нее входил, не знаю.

Иокангскую группу возглавлял Матрехин Александр Васильевич³³, состав этой группы для меня неизвестен.

В Юркино повстанческая группа была создана самим Черняковым Захарием Ефимовичем, куда он несколько раз выезжал, а кто кем в нее завербован, я не знаю.

В Мурманском педтехникуме была группа из студентов-саамов, в частности в нее входили Яковлев Лазарь и Чопоров Федор³⁴, через них я и осуществлял контрреволюционное националистическое влияние на саамскую учащуюся молодежь. Необходимо отметить, что в Институте народов Севера в Ленинграде также была создана контрреволюционная националистическая группа, которая ставила своей задачей готовить руководящие кадры нашей организации. Возглавлял эту группу Эндюковский Александр Гаврилович — научный сотрудник Института народов Севера.

ВОПРОС. Когда, где и по каким вопросам были совещания Саамского националистического центра?

ОТВЕТ. В полном составе мы, участники националистического центра, ни разу не собирались. Но все действия центра проводились все же согласованно, это достигалось путем выездов Чернякова и Антонова в Москву и в Ленинград, а Антонова и в Петрозаводск для согласования действий с Карельским националистическим контрреволюционным центром.

ВОПРОС. Вы показали, что одной из основных задач являлась задача организации восстания против советской власти. Каким образом Вы намечали достать оружие для этой цели?

ОТВЕТ. На первое время мы должны были использовать имеющееся в большом количестве нарезное оружие у саамов и ижемцев-охотников, пастухов-оленоводов, а затем оружие мы получили бы из Финляндии.

ВОПРОС. Этот вопрос Вами обсуждался?

ОТВЕТ. Специально предметом обсуждения вопрос об оружии у нас не стоял, но это было ясно и без обсуждения в связи с тем, что, как информировал нас Антонов, Финляндия по существующему соглашению обязалась оказать нам вооруженную помощь.

ВОПРОС. Дайте показания о шпионской деятельности контрреволюционной организации в целом и Вашей лично в отдельности.

ОТВЕТ. Не буду скрывать и этого. Антонов в 1935 году в присутствии Чернякова в помещении «Базы по изучению народов Севера»³⁵ в городе Мурманске информировал меня, что, обещая оказать вооруженную помощь нашей контрреволюционной организации, представители фашистской Финляндии поставили одним из условий, что участники нашей организации будут осведомлять финские разведывательные органы об экономике и оборонных мероприятиях, проводимых в Карело-Мурманском крае, и о политических настроениях населения. В связи с этим Антонов потребовал и от меня, чтобы я, используя свою большую осведомленность о Кольском полуострове, давал ему шпионские сведения для передачи по назначению.

ВОПРОС. Вы дали согласие Антонову собирать шпионские сведения для финской разведки?

ОТВЕТ. Я согласился выполнять поручения Антонова.

ВОПРОС. Кто еще занимался сбором шпионских сведений для финской разведки?

ОТВЕТ. Знаю только, что шпионажем в пользу Финляндии занимались Черняков, Эндюковский и Валлениус.

ВОПРОС: Почему Вы знаете, что Валлениус занимался шпионской деятельностью?

ОТВЕТ. Антонов предложил мне снабжать Валлениуса шпионскими сведениями, и я посылал ему несколько информационных.

ВОПРОС. С кем из представителей финских фашистских организаций поддерживалась связь членов саамского контрреволюционного националистического центра?

ОТВЕТ: Связь с фашистски настроенными профессорами Финляндии поддерживали Черняков и Эндюковский. Мне известно, что Черняков был связан с финским профессором-фашистом Итконен³⁶, который в 1935 году по инициативе Чернякова даже приезжал в СССР якобы с научными целями, но как потом мне сообщил Черняков, целью его приезда было ознакомление с состоянием националистической контрреволюционной организацией и получение шпионских сведений. Кроме этого он упоминал фамилию Кеттунен³⁷, и знаю, что он поддерживал связь с норвежским профессором Квигстадт³⁸, проживающим в Тромсе.

ВОПРОС. Какую Вы вели контрреволюционную националистическую работу?

ОТВЕТ. Еще в 1931 году, выезжая в Ленинград на пленум Комитета Севера, я участвовал на нелегальном контрреволюционном сборище, где присутствовали кроме того Черняков, Эндюковский и директор Института народов Севера Кошкин Я. Б.³⁹ Обсуждая наши планы, мы решили, что надо повести среди саамов широкую националистическую агитацию и разъяснить им, что они являются народом, родственным Финляндии. Для доказательства этого поставить на службу нашу научную работу по изучению языка и крови. Мы должны пробуждать национальное самосознание саамов и доказывать всем, что саамская земля принадлежит саамам, и поставить в задачу выселить с Кольского полуострова все пришлое население с тем, чтобы оно не оказывало влияние на развитие саамов. Вся эта работа была подчинена одной задаче создания «Великой Финляндии», как я уже говорил выше. Такую контрреволюционную работу мы и повели в дальнейшем среди саамов, активно вели агитацию, издавали буржуазно-националистическую контрреволюционную литературу, из этого же исходили и в нашей «научной работе».

ВОПРОС. Какая контрреволюционная литература Вами была издана?

ОТВЕТ. Черняков выписал из-за границы через перечисленных уже мною профессоров-фашистов некоторые книги. Например, библия норвежских саамов, брошюра Мартова против большевиков и другие книги, название которых я не помню и которые распространялись через «Дом оленевода». Нами был составлен явно контрреволюционный саамский букварь, в котором мы клеветнически утверждали, что Советская власть «задавила девять национальных округов на Севере», что «Советская власть закапывает в землю тракторами крестьян» и т. п.

ВОПРОС. Следствию известно, что участники Вашей контрреволюционной организации вели активную антиколхозную работу, дайте показания об этом.

ОТВЕТ. Ставя своей задачей добиться сохранения капиталистических элементов, мы принимали все меры к срыву коллективизации. Вели активную агитацию, что колхозы губительны для саамов, что свяжут свободного оленевода. Участники нашей организации саботировали работу в колхозах, разлагали трудовую дисциплину. Особое внимание контрреволюционной группы было обращено на уничтожение колхозного имущества, проводились массовые поджоги оленьих пастбищ и леса, и каждое лето Кольский полуостров в течение нескольких месяцев был окутан густой пеленой дыма от пожарищ, а ягель, которым питаются олени, после пожара вырастает только через 30 лет. Таким образом мы уничтожали кормовую базу колхозов с целью быстрее сокращения оленьего стада, распространялись болезни среди оленей, например, «копытка», и были года, когда погибало до 25 тысяч голов от этой «копытки». В результате всей этой деятельности население в колхозы не шло и, например, в Саамском районе до сих пор колхозами охвачено только 40 процентов хозяйств. Особо активную работу провел участник нашей организации Фефелов, который добился окончательного развала колхоза «Тундра» — и он был распущен.

ВОПРОС. Дайте показание о практической контрреволюционной деятельности, которую провели лично Вы как участник этой организации.

ОТВЕТ. 1/ Я вошел в состав контрреволюционного центра националистической шпионско-диверсионной повстанческой организации и сам руководил подрывной деятельностью трех повстанческих групп, инструктировал активных участников этих групп, давал указания о диверсионной работе.

2/ Будучи завербован агентом финской разведки Антоновым, я с 1935 года по день ареста передал финской разведке через Антонова шпионские сведения об экономике Кольского полуострова, о естественных богатствах его, о наличии оборонного строительства на побережье Баренцева моря и дислокации воинских частей на Кольском полуострове. Передал копию доклада, посланного в Наркомзем⁴⁰, о землеустройстве.

3/ Я знал о сговоре между подпольными контрреволюционными организациями Кольского полуострова и Карелии с финской разведкой против советского государства и одобрил эти предательские действия.

4/ Сам лично я вел среди саамов и ижемцев националистическую контрреволюционную пропаганду и агитацию. Злобно клеветал на политику ВКП(б) и Советской власти, распространял провокационные слухи о неизбежном поражении СССР в предстоящей войне.

Прошу следствие дать возможность вспомнить все факты, и на следующем допросе я дам дополнительно показания о практической контрреволюционной деятельности лично моей и других участников нашей организации.

Все записано с моих слов верно. Алымов.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО АЛЫМОВА ВАСИЛИЯ КОНДРАТЬЕВИЧА ОТ 21 МАРТА 1938 Г.

ВОПРОС. На предыдущем допросе Вы признали себя виновным в том, что являетесь одним из руководителей контрреволюционной националистической Саамской организации на Кольском полуострове. Так это?

ОТВЕТ. Совершенно правильно. Я — Алымов — признал себя виновным в том, что до дня своего ареста активно вел борьбу с советской властью.

ВОПРОС. Что побудило Вас встать на путь борьбы с советской властью?

ОТВЕТ. Следствию я о себе сказал, что по 1906 год состоял в меньшевистской партии, с этого времени я своего враждебного отношения к большевикам не изменил. Будучи не согласен с политикой ВКП(б) и советским правительством, я не мог бездействовать. В силу этого приступил к активной практической борьбе с советской властью, имея цель свержение существующего советского строя и реставрацию капитализма в стране. Участком такой борьбы я избрал районы Мурманского округа,

населенные националами-саамами. Среди последних я, как хорошо знающий по роду своей службы их быт, обычаи и пр., приступил к организации повстанческих групп, перед коими поставил задачу создания самостоятельного саамского государства под протекторатом буржуазного финляндского правительства и тем самым была бы осуществлена идея создания «Великой Финляндии».

ВОПРОС. Когда начали Вы свою практическую борьбу с советской властью?

ОТВЕТ. На предыдущем допросе я показывал, что начал вести борьбу с советской властью с 1935 года. Это неверно. Учитывая, что мои не вполне искренние показания будут следствием разоблачены и что это только усугубит мою вину, я решил окончательно разоружиться и внести уточнения в свои показания. Заявляю, что активная практическая борьба с существующим советским строем начата мною в 1927 году, а не с 1935 года, как указывалось ранее. Должен заявить следствию, что в последующие годы мне удалось свою борьбу с советской властью увязать с такой же борьбой, которую проводил Московский центр и Ленинградский комитет контрреволюционной националистической повстанческой организации в лице профессора Бубриха и научных сотрудников Института народов Севера Чернякова, Антонова, Эндюковского и Кошкина. Также контактировалась моя контрреволюционная националистическая деятельность с Карельским националистическим центром, возглавляемым бывшим председателем Карельского совнаркома Гюллинг и бывшим секретарем Карельского обкома Ровио.

ВОПРОС. Назовите методы Вашей контрреволюционной борьбы с советской властью.

ОТВЕТ. Своими методами я избрал повстанчество, шпионаж, диверсии, вредительство, антисоветскую националистическую агитацию.

ВОПРОС: А террор?

ОТВЕТ. Да и террор, забыл о нем сказать.

ВОПРОС. Забыть об этом может только тот, кто не хочет быть искренним на следствии. Расскажите без Вашей «забывчивости» по порядку о практическом осуществлении Вами указанных методов.

ОТВЕТ. Работая директором Мурманского краеведческого музея, я — Алымов — часто бывал в районах Мурманского округа. Знакомился там с националами-саамами, изучал их быт, обычаи, приглашал их к себе в Мурманск и таким образом подобрал соответствующих лиц для организации повстанческих групп.

В результате этого я создал в 1929 году в Ловозеро националистическую группу в 15 человек во главе с работником РИКа Герасимовым Никоном. В эту же группу вошел саам Герасимов Александр. Других участников не знаю. Был связан только с Герасимовым.

В поселке Воронье создал группу из Яковлева Александра, Дмитриева Семена, Юрьева Николая⁴¹, Фелелова. Руководил группой через Яковлева.

Через Герасимова Никона создал группу в Нотозере. Всех участников этой группы и количественный состав ее не знаю.

В 1931 году мною была создана группа в Иоканге. Во главе ее поставил Матрехина Александра. В группу вошли Герасимов Андрей, Осипов Иван, Матрехина Анастасия⁴². Все студенты Института народов Севера. Других участников этой группы не помню.

В Юркино создал группу во главе с Мошниковым⁴³. Во главе с Осиповым Яковом⁴⁴ в 1930 году создал группу в Институте народов Севера, в которую вошли Герасимов Андриян⁴⁵, Матрехина Илларию и другие. В молодежную группу, созданную мною в Мурманском педтехникуме, вошли саамы Яковлев Лазарь и Чопоров Федор.

Кроме указанных к борьбе с советской властью я привлек в 1931 году бывшего колчаковского офицера, сына одного из министров Временного правительства Салазкина Александра Сергеевича⁴⁶. Он работал научным сотрудником Мурманского опытного оленеводческого хозяйства. По роду своей работы Салазкин часто бывал в оленеводческих районах, где встречался с саамами. Имея с Салазкиным единство взглядов, мы быстро договорились о практической контрреволюционной работе. Через него я организовал повстанческую группу в Чалмны-Варрэ. В нее вошли Артиев Иван Иванович, в прошлом меньшевик, его два брата — кулаки — Александр и Викентий⁴⁷ и другие, коих я лично не знаю, всего около 7 человек.

Все эти группы по моим заданиям активно проводили подрывную деятельность. В свою очередь я, начиная с 1935 года, стал получать задания от Чернякова и Антонова, коим также докладывал о проделанной руководимыми мною контрреволюционными группами работе.

ВОПРОС. Конкретизируйте свои показания о Вашей повстанческой деятельности.

ОТВЕТ. Я уже говорил, что главной задачей нашей контрреволюционной организации было отторгнуть от Советского Союза Кольский полуостров в пользу Финляндии и создать при помощи последней самостоятельное саамское государство. Считаю необходимым отметить, что я — Алымов — намечался быть президентом государства саамов, а Салазкин — военным министром. Из сказанного явствует, что мы, участники организации, должны были поднять вооруженное восстание в тылу Красной Армии в

предстоящей войне СССР с Финляндией и Германией. Соответственно этому мы готовили повстанческие кадры и оружие. Конечно, этот вопрос неоднократно был предметом наших разговоров с Черняковым, Антоновым, Эндюковским, Салазкиным. Конкретно нами предусматривалось: сохранить имеющиеся почти у каждого участника нашей организации охотничье и нарезное оружие. Кроме того, в момент объявления войны повстанческая группа Чалмны-Варрэ должна была получить при помощи самолета оружие из Финляндии. Вооружась таким образом, названная группа обязана была соединиться с Ловозерской группой, обезоружить милицию, репрессировать коммунистов и сторонников советской власти, привлечь на свою сторону антисоветски настроенных лиц и затем оказать помощь в других пунктах. В успехе этого мы были уверены полностью. Разгром восставших при знании ими в совершенстве местности и бездорожья считали невозможным. Непосредственным руководителем восстания нами был намечен Салазкин. Он в осуществлении принятого им задания связался с руководителями контрреволюционных групп Герасимовым Никоном, Артиевым Иваном и Яковлевым Александром. Он же, будучи опытным геоботаником, обследовал вокруг Чалмны-Варрэ местность и установил место для посадки финского самолета с оружием. Черняков обязался иметь связь с военными кругами Финляндии, коих должен был предупредить о времени вылета указанного самолета. Вот в основном все, что я мог сказать о повстанчестве. Разрешите мне теперь рассказать о шпионской деятельности.

ВОПРОС. Против этого следствие не возражает. Говорите.

ОТВЕТ. В начале 1935 года прибывшие в Мурманск для работы на «базе по изучению народов Севера» Черняков и Антонов, с коими я уже задолго до этого был связан по контрреволюционной националистической деятельности сказали мне, что Финляндии для успешного ведения предстоящей войны с Советским Союзом нужны ряд сведений о последнем, особенно о Кольском полуострове. Эти сведения в интересах нашей контрреволюционной организации необходимо собирать и направлять в Финляндию, сказав, что они, Черняков и Антонов, к такой работе приступили, предложили и мне проявить инициативу в этом вопросе. Предложение Чернякова и Антонова совпало с моими устремлениями, которых до этого провести практически не успел. Я дал согласие. В последующее время я неоднократно передавал в Финляндию через Чернякова сведения о естественных богатствах Кольского полуострова, в частности о развитии никелевой промышленности в Мончегорске, ведущихся изыскательских работах в Ловозерском районе, об установках береговых батарей на Мурманском побережье Баренцева моря, о количестве боевых кораблей Северного военного флота, об удобных дорогах и переправах через реки и озера в тундре на случай наступления финских войск. Такого рода сведения я выпытывал при встречах с саамами, а также получал их от Салазкина. Последний о шпионской деятельности нашей группы был поставлен в известность лично мною, от проведения шпионской работы он никогда не отказывался. Руководителям контрреволюционных групп я непосредственно шпионских заданий не давал. Тем не менее некоторые из участников групп, например Фелелов, шпионские работы проводили. Об этом я знал со слов другого моего соучастника Дмитрия Семена и вполне естественно одобрял его.

ВОПРОС. С кем непосредственно из сотрудников финской разведки были связаны по шпионской работе Черняков и Антонов?

ОТВЕТ. Этого я не знаю. Добавлю, что по предложению Чернякова я передавал несколько раз шпионские сведения Валлениусу, бывшему работнику шведской секции Коминтерна. Он также входил в руководящий состав нашей контрреволюционной повстанческой националистической организации. С ним я по контрреволюционной работе имел встречи в Ленинграде в 1935 и 1936 годах.

ВОПРОС. Вы сказали, что в целях Вашей контрреволюционной организации Вами проводилась и диверсионная работа. Так это? Скажите об этом подробнее.

ОТВЕТ. Я лично давал участникам нашей организации, в частности Салазкину, Матрехину и Каневу⁴⁸, задания — поджигать ягель на оленьих пастбищах, развивать у оленей болезнь «копытку» и портить рыболовные снасти. Эти мои указания выполнялись каждое лето, особенно в 1935—1937 годах выгорела в тундре большая площадь ягеля, сократились колхозные пастбища, в оленьих стадах из-за недостатка кормов происходил значительный падеж оленей. Не меньший ущерб причинен оленеводческим колхозам распространением «копытки». Какое количество погибло от этого оленей сказать затрудняюсь.

ВОПРОС. Дайте показания о Вашей вредительской деятельности.

ОТВЕТ. Методом вредительства мы, участники контрреволюционной организации, главным образом стремились развалить труддисциплину в колхозах. Оставлять оленьи стада без присмотра и убивать молодняк оленей. Особенно успешно нам удалось это провести в Юркинском колхозе и в Ловозере, где хищнически истреблялось поголовье оленей и разваливалась работа колхозов. Активно вредили мои соучастники Фелелов и Мошников.

ВОПРОС. Продолжайте Ваши показания.

ОТВЕТ. Мне осталось рассказать следствию о нашей националистической и террористической агитации.

ВОПРОС. О практической деятельности, а не агитации.

ОТВЕТ. Пожалуй, следствие право.

ВОПРОС. Несомненно. Говорите о терроре.

ОТВЕТ. Совершение террористических актов мы, в частности Черняков, я и Салазкин, наметили лишь во время поднятия вооруженного восстания. Решили, что всех коммунистов, независимо от занимаемого ими положения, будем убивать.

ВОПРОС. Вы показали о терроре не все. Независимо от восстания Вами намечалось убийство руководителей ВКП(б) и советского правительства. Отвечайте.

ОТВЕТ. Это я категорически отрицаю. Разговор о совершении террористических актов над Сталиным, Молотовым, Ворошиловым действительно имел место. Говорил я об этом с Черняковым и затем в другое время с Салазкиным. Если не ошибаюсь, это было в 1935 году. Впервые выразил эту мысль Черняков. Он тогда мне сказал: «Что смерть Сталина, Молотова и Ворошилова непременно ускорит и облегчит победу Финляндии над СССР, облегчится и наша работа по созданию саамского государства». С Черняковым я был полностью согласен. Одобрил это и Салазкин. Виновным себя в этом признаю. Вместе с этим категорически отрицаю свою виновность в какой-либо попытке претворить на практике высказанной Черняковым мысли.

ВОПРОС. Все-таки Вы неискренни. Умалчиваете о подготовленном по Вашему заданию участником контрреволюционной группы Каневым убийстве секретаря Ловозерского РК ВКП(б) т. Елисеева⁴⁹. Намерены ли Вы сказать правду?

ОТВЕТ. Ничего об этом не знаю, таких заданий я никому не давал.

ВОПРОС. Следствие Вам не верит и в случае необходимости к этому вопросу возвратится. Сейчас показывайте о фактах Вашей контрреволюционной националистической деятельности.

ОТВЕТ. Националистическая деятельность всех участников нашей контрреволюционной организации заключалась в дискредитации мероприятий ВКП(б) и советского правительства, особенно касающихся коллективизации в национальных районах, в распространении идей создания самостоятельного саамского государства.

Помимо агитации я, Черняков и другие участники организации составили в 1933 году саамский словарь, в котором вставили фразы явно контрреволюционного характера. Содержание букваря воспитывало у саамов националистические взгляды, вызывало неприязнь к советской власти. Букварь из употребления изъят.

Я и Черняков неоднократно выступали на страницах печати. В своих статьях приводили мысль о создании автономии для саамов. Черняков прямо говорил, что для саамов необходимо организовать в Мурманском округе два отдельных национальных района. В 1934 году Черняков тайным образом организовал специальную саамскую делегацию в Ленинградский облисполком⁵⁰. В задачу делегации входило позондировать почву в отношении создания указанных национальных районов, что в случае осуществления этого положило бы началу создания саамского государства.

Антиколхозной агитацией мы добились того, что саамы выходили из колхозов. В связи с этим же в Ловозерском районе коллективизировали в данное время не более 45 процентов хозяйств.

Записано с моих слов и мною прочитано. Алымов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кубиков (Дементьев) Иван Николаевич (1877—1944) — литературовед, с 1902 г. — член РСДРП, меньшевик. В 1905—1917 гг. дважды отбывал ссылки. После революции преподавал в вузах Москвы. Автор критико-биографических очерков о писателях Н. А. Некрасове, Г. И. Успенском, А. С. Новикове-Прибое и др.

² Бройдо (Гордон) Ева Львовна (1876—1941) — социал-демократ с 1896 г. В 1920 г. эмигрировала, в 1927 г. вернулась нелегально в Россию. Арестована, осуждена на 3 года. В июле 1937 г. арестована вновь, осуждена на 20 лет тюрьмы. Расстреляна 13 сентября 1941 г. в Орле при приближении к городу немцев.

³ Ключе Герман Августович (1871—1956) — зоолог, исследователь флоры и фауны северных морей. В 1908—1933 гг. — директор Мурманской биологической станции в с. Полярное, в 1926—1928 гг. — председатель Общества изучения Мурманского края.

⁴ Эйхфельд Иоган Гансович (1893—1989) — ботаник, академик АН Эстонской ССР, Герой Социалистического Труда. В 1923—1940 гг. возглавлял Полярную опытную станцию в Хибинах (Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства).

⁵ Комшилов Яков Алексеевич (1894—1964) — краевед, основатель Мурманского госархива, один из организаторов Общества изучения Мурманского края, исследователь материальной культуры саамов.

⁶ Халапсин Николай Васильевич — врач-бактериолог, краевед.

⁷Здесь, видимо, описка стенографиста, правильно — Галицкий. Сведений о Владимире и Борисе Галицких нет. О Сергее см.: Книга Памяти. — Мурманск, 1997. — С. 75. Там же о матери — Софье Петровне Алымовой — с. 20.

⁸С м и д о в и ч П е т р Г е р м о г е н о в и ч (1874—1935) — государственный и политический деятель, в 1924—1935 гг. — председатель Комитета содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР (Комитет Севера).

⁹Б у т у р л и н С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч (1872—1938) — зоолог, охотовед. До революции, изучая охотничий промысел, путешествовал по Северу России и Арктике. Являлся членом бюро и ученым секретарем Комитета Севера. Умер 22 января 1938 г.

¹⁰Т е р л е ц к и й П е т р Е в г е н ь е в и ч — работник Центрального статистического управления СССР, член Комитета Севера при ВЦИК. Летом 1929 г. в составе экспедиции профессора С. А. Грюнера из Московского зоотехнического института собирал статистические сведения о населении в Понойском районе (См.: ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 3, лл. 176—179).

¹¹Ч е б о т а р е в с к и й А. Н. — секретарь Комитета Севера при ВЦИК.

¹²О р л о в с к и й П. Н. — ответственный работник Комитета Севера при ВЦИК.

¹³Г е р а с и м о в Н и к о н П е т р о в и ч (1910—1938) — саам. Уроженец Рестикента Кольского района Мурманской области. Окончил Институт народов Севера в Ленинграде, работал в Ловозерском райисполкоме. Участвовал в создании саамского букваря 1933 г. и развитии саамской письменности. Арестован 10 марта 1938 г. Под давлением следствия «признался», что является агентом финской разведки, завербован Черняковым в 1932 г., когда учился в институте. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (Лл. 121—123). Именно по заявлению его жены Анны Ивановны Герасимовой от 31 января 1957 года был начат пересмотр дела № 46197 и реабилитация осужденных (л. 182).

¹⁴Ч е р н я к о в З а х а р и й Е ф и м о в и ч (1900—1997) — лингвист. В 20—30-е годы преподавал саамский язык в Институте народов Севера и педагогическом институте им. А. И. Герцена в Ленинграде. С 1933 г. работал в Мурманске в комиссии окрисполкома по районированию и в Комитете нового алфавита. Подготовил и издал первый саамский букварь на латинизированной основе и в дополнение к нему вспомогательную литературу для учителей. В дальнейшем жил в Москве, работал в Академии наук, в 70—80-е годы бывал на Кольском полуострове. После смерти ученого Лапландский университет в Рованиеми (Финляндия) издал его давнюю работу «Очерки этнографии саамов». Несмотря на то, что имя Чернякова многократно упоминается в следственном деле как «вербовщика» и организатора Саамского государства, он не был репрессирован (См.: Сорокажердьев В. Трагедия саамского букваря Чернякова / Полярная правда. — 1998. — 10 февраля; Сорокажердьев В. За саамский букварь — под следствие / Мурманский вестник. — 2000. — 26 мая).

¹⁵Я к о в л е в Л а з а р ь Д м и т р и е в и ч — выпускник саамского отделения Мурманского педагогического техникума.

¹⁶Ш т е р н б е р г Л е в Я к о в л е в и ч (1861—1927) — этнограф, член-корреспондент АН СССР, профессор Ленинградского университета. Специалист по дальневосточным народам.

¹⁷Среди саамского землячества в Институте народов Севера Черняков выделял Никона Герасимова, у них сложились дружеские отношения. Никон Петрович был способным учеником, впоследствии деятельным работником в аппарате Ловозерского РИКа, немало способствовал научным интересам своего учителя, поддерживал его во всех начинаниях.

¹⁸Е м е л ь я н о в А р к а д и й И в а н о в и ч (?—1942) — специалист по саамскому языку, с 1926 г. преподавал на Северном факультете Ленинградского восточного института, с 1930 — в Институте народов Севера.

¹⁹Здесь, видимо, речь идет о саамском землячестве. 6 мая 1930 г. в Институте народов Севера состоялось общее собрание лопарской и самоедской групп. Присутствовали ректор института К. Я. Лукс, В. К. Алымов и З. Е. Черняков, который был секретарем собрания. Постановили: «Образовать землячества Мурманское и Архангельское». В состав правления Мурманского землячества вошли: Анастасия Матрехина (председатель), Никон Герасимов (зам. председателя), Александра Матрехина (секретарь), Хочейков и Илларию Матрехина (кандидаты в члены правления). ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 10, лл. 270—271).

²⁰Помощниками Чернякова в составлении букваря были Никон Герасимов, Илларию Матрехина, Яков и Анастасия Осиповы.

²¹Э н д ю к о в с к и й А л е к с а н д р Г а в р и л о в и ч (1899 — ?) — лингвист, в 20—30-е годы преподавал саамский язык в Институте народов Севера. В июле—сентябре 1933 г. путешествовал по маршруту Пулозеро — Ловозеро — Воронинский погост — Карозеро — Териберка для изучения кильдинского диалекта и местных говоров. На саамский язык перевел «Книгу для чтения» для 1-го класса (с русского учебника П. Н. Жулева), учебник арифметики для 2-го класса Н. С. Поповой (для 1-го класса перевел Черняков), детский рассказ Л. Савельева «Как люди ездят» и др. В 1937 г. издал саамский букварь, который с изменением взглядов высшего партийного руководства на литературу и образование малых народов, оказался не у дел. Критика букваря Чернякова носила рабочий характер, Эндюковский проверил его в тундре во время командировки по лопарским погостам и признал пригодность, о чем и писал Чернякову 4 августа 1933 г. из Ловозера: «Проверил по имевшимся у меня в тетради текстам степень приспособленности вашего букваря для пулозерских лопарей. Нужно сказать, что никаких неясных мест для пулозерского говора не оказалось. Конечно, незначительные отклонения есть, должны были быть и не могли не оказаться, т. к. букварь писался не специально для пулозерских лопарей. Но все это такие пустяки, о которых можно было бы и не говорить...» (Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе. Вып. 1. — Мурманск, 1934. — С. 18—19). Однако научную полемику двух ученых следователи умело использовали для обвинения людей, проходивших по делу Алымова. Самого Эндюковского на допросе 14 марта 1938 г. они заставили признать, что букварь Чернякова «содержит в себе целый ряд контрреволюционных измышлений» (лл. 79—87).

²²11 сентября 1933 г. постановлением секретариата окружкома ВКП(б) при Мурманском окрисполкоме был создан Комитет содействия развитию языков и письменности народов Севера (упрощенно — Комитет нового

алфавита) «в целях содействия развитию языков и письменности народов Севера, находящихся в пределах округа, поднятия их культурного уровня...» Комитет состоял из 10 человек, представителей партийных, культурных и общественных организаций. Его возглавлял заместитель председателя окрисполкома К. К. Луйск, ответственным секретарем являлся З. Е. Черняков, он практически руководил Комитетом, в который входил и Алымов как уполномоченный Комитета Севера. (Материалы по развитию языков и письменности... с. 20).

²³ Б у б р и х Д м и т р и й В л а д и м и р о в и ч (1890—1949) — лингвист, член-корреспондент АН СССР. С 1925 г. — профессор ЛГУ, специалист по этногенезу и финно-угорским языкам народов Севера и Поволжья. Арестован 10 января 1938 г. Обвинялся в связях с Карельским антисоветским центром, с националистическими организациями в Финляндии и вербовке ученых в СССР, в том числе Эндюковского и Чернякова (лл. 63—78). 23 марта 1939 г. осужден на 10 лет, 11 ноября 1939 г. приговор отменен, 17 января 1940 г. дело прекращено (л. 194; см. также: Керт Г. Величие и трагедия таланта (Север // 1990. — № 7. — С. 143—153).

²⁴ А н т о н о в П е т р Н и к о л а е в и ч — работник Мурманского окрисполкома. В 1934 г. заменил Алымова на должности уполномоченного Комитета Севера при ВЦИК и Чернякова — ответственного секретаря Комитета нового алфавита при Мурманском окрисполкоме. Неясно, о каком письме «на шведском языке» идет речь, в деле его нет. Возможно, был какой-то перевод из скандинавской печати об объединении тамошних аборигенов, местные следователи по неграмотности привязали к нему и кольских саамов, а разобравшись, не стали приобщать к делу. В фонде Комитета Севера имеется лишь перевод статьи Виклунда из шведской энциклопедии «Лопари» (Ф. 169, оп. 1, д. 1).

²⁵ В а л л е н и у с А л л а н — в 20—30-е годы шведский работник Коминтерна.

²⁶ Антонов в то время уже не жил в Мурманске. В деле нет ни протокола его допроса, ни очной ставки с Алымовым. Есть постановление от 7 апреля 1938 г., где говорится: «...материал по обвинению Чернякова, Эндюковского, Антонова... выделить в особое производство, на коих завести следственное дело и привлечь к ответственности» (л. 127).

²⁷ Г ю л л и н г Э. А. (1881—1944) — финн, один из видных деятелей рабочего движения в Финляндии. В 1920 г. приехал в СССР, работал в Карелии. В 1923—1937 гг. — председатель СНК Карельской АССР. Репрессирован.

²⁸ Р о в и о Г. С. — активный участник революции в 1918 г. в Финляндии. В 1929—1935 гг. — секретарь Карельского комитета ВКП(б). Репрессирован.

²⁹ Г е р а с и м о в А л е к с а н д р Г р и г о р ь е в и ч (1912 — ?) — саам. Уроженец Рестикента. Работал учителем неполной средней школы в Ловозере. Арестован 30 марта 1938 г. Обвинялся, что завербован Алымовым, состоял в контрреволюционной организации, участвовал в составлении саамского букваря, учил по нему детей, воспитывал их в националистическом духе. Признал себя виновным. Осужден на 10 лет. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (лл. 151, 165).

³⁰ Я к о в л е в А л е к с а н д р А ф а н а с ь е в и ч (1882—1938) — саам. Уроженец пос. Кильдин Кольского района. Работал почтальоном в сел. Воронье. Арестован 9 марта 1938 г. Обвинялся, что в 1929 г. завербован Алымовым, был руководителем повстанческой группы в Воронье. Признал себя виновным. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (лл. 134, 165).

³¹ Д м и т р и е в С е м е н П а в л о в и ч (1891—1938) — саам. Уроженец пос. Кильдин. Оленевод-единоличник в селе Воронье. Имел трех детей в возрасте от 12 до 18 лет. Арестован 25 февраля 1938 г. Обвинялся, что нелегально ходил в Финляндию и передавал шпионские сведения, по заданию Алымова вредительствовал, поджигал ягельные пастбища, вел антисоветскую агитацию. Признал себя виновным. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (лл. 139, 165).

³² Ф е ф е л о в П а в е л И в а н о в и ч (1877 — ?) — саам. Уроженец и житель села Воронье. Работал в колхозе «Тундра», в 1933 г. «за развал колхоза» снят с должности председателя и исключен из членов ВКП(б). Имел 4-х детей от 11 до 17 лет. Арестован 25 февраля 1938 г. Обвинялся, что состоял в контрреволюционной организации, в 1937 г. встречался с финским разведчиком, передал шпионские сведения и получил вознаграждение. Признал себя виновным. В списках осужденных не значится (л. 139).

³³ М а т р е х и н А л е к с а н д р В а с и л ь е в и ч (1909—1938) — саам. Уроженец и житель Иоканги. Два года учился в Институте народов Севера. Имел сына 1,5 года. Арестован 20 марта 1938 г. Обвинялся, что в 1931 г. завербован Алымовым, вредительствовал в колхозе, в результате в 1933 г. хозяйство потеряло 700 оленей. Признал себя виновным. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (лл. 138, 165).

³⁴ Не привлекался, сведений нет.

³⁵ В 20—30-е годы в Мурманске существовала гостиница — Дом рыбака и оленевода, однако она не устраивала приезжих саамов: олени упряжки приходилось оставлять далеко за городом. В начале 30-х появился Саамский Дом оленевода (в районе нынешней улицы Карла Маркса и пр. Ленина), на первом этаже которого размещалась научно-практическая база по изучению народов Севера, а на втором — гостиница. Для оленей была оборудована специальная изгородь и имелся запас ягеля. (См.: Черняков З. Дом оленевода // Полярная правда — 1977. — 17 июня).

³⁶ И т к о н е н Т о й в о И м м а н у э л (1891—1968) — финский лингвист, этнограф, профессор Хельсинского ун-та в 1912—1914 гг. исследовал кольских саамов, бывал в СССР. В 90-е годы его сын издал жизнеописание и дневниковые записи отца «Мои поездки по Лапландии».

³⁷ К е т т у н е н Л а у р и (1885—1963) — финский лингвист, специалист по прибалтийско-финским языкам, профессор Хельсинского университета.

³⁸ К в и г с т а д т Ю с т К н у д (1853—1957) — норвежский лингвист, этнограф, профессор университета в Тромсё.

³⁹ К о ш к и н Я н П е т р о в и ч — в 20—30-е — заведующий учебной частью, с 1931 г. — директор Института народов Севера; возглавлял Ленинградское филиальное отделение Комитета Севера при ВЦИК.

⁴⁰ Народный комиссариат земледелия.

⁴¹ Ю р ь е в Н и к о л а й И в а н о в и ч (1882—1938) — саам. Уроженец и житель Ловозера. Оленевод-единоличник. Имел девять детей в возрасте от 1 года до 25 лет. В 1929 г. был осужден на 1,5 года «за оскорбление комсомольца». Вторично арестован 13 марта 1938 г. Обвинялся, что руководил контрреволюционной группой в Ловозере, был противником колхозного строя, готовил вооруженное восстание. Признал себя виновным. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (лл. 136, 165).

⁴² В числе обвиняемых не значатся.

⁴³ Мошников Григорий Максимович (1888 — ?) — саам. Уроженец и житель дер. Юркино Кольского района. В 1933 г. привлекался за «ропуск оленей» из колхозного стада, приговорен к одному году принудительных работ. Вторично арестован 26 февраля 1938 г. «Признался», что завербован Черняковым и является руководителем контрреволюционно-националистической группы в Юркино, в которую привлек и сына Мошникова Константина Григорьевича (1914—?). Отец и сын арестованы в один день, оба малограмотны, что, видимо, суд учел и дал им по 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Оба реабилитированы 4 июля 1957 г. (лл. 148, 165).

⁴⁴ О с и п о в Я к о в И в а н о в и ч (1911—1938) — саам. Уроженец дер. Юркино Кольского района. Окончил Институт народов Севера. Работал судьей Полярного района, жил в Мурманске. Арестован 10 марта 1938 г. Признал себя виновным — в том, что участвовал в составлении саамского букваря, в заседаниях саамского землячества в Ленинграде, в судебных делах «снижал меру социальной защиты по контрреволюционным преступлениям». Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (См. далее приложение).

⁴⁵ Г е р а с и м о в А н д р и а н И в а н о в и ч (1907 — ?) — саам. Уроженец Нотозерского погоста. Окончил Институт народов Севера. Работал заведующим охотучастка Кольского отделения Лензаготпушнины, жил в Мурманске. Арестован 27 марта 1938 г. «Признался», что завербован Черняковым, участвовал в составлении букваря и в обсуждении вопроса создания самостоятельного саамского государства для дальнейшего его присоединения к Финляндии. Осужден на 10 лет. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (лл. 141—142, 165).

⁴⁶ См. далее примечание к протоколу допроса А. С. Салазкина.

⁴⁷ А р т и е в ы, братья, жители Чальмны-Варрэ Ловозерского района, из переселенцев с современной территории Республики Коми, коми-ижемцы. Все осуждены по статье 58, пункты 2, 10, 11 уголовного кодекса РСФСР и расстреляны в один день — 22 октября 1938 г. Похоронены на Левашовском кладбище в Ленинграде. Реабилитированы:

Александр Иванович (1882—1938). В 1933 г. высылался как кулак сроком на 3 года. Работал возчиком в оленеводческом совхозе. Арестован 16 марта 1938 г. По его показаниям, завербован Салазкиным, участвовал в составлении плана вооруженного восстания и уничтожения коммунистов (лл. 143, 165).

Викентий Иванович (1887—1938). Имел 8 детей от 5 до 16 лет. Оленевод-единоличник. Арестован 10 марта 1938 г. Якобы завербован Салазкиным, участвовал, в организации вооруженного восстания (л. 146).

Иван Иванович (1881—1938). Имел 5 детей в возрасте от 8 до 18 лет. В 1930 г. привлекался по статье 58. Вторично арестован 12 апреля 1938 г. Как и братья якобы являлся членом повстанческой ячейки, готовил вооруженное восстание (лл. 134, 165; см.: Юрьев П. Первый учитель — балтийский матрос // Полярная правда. — 1971. — 15 января).

⁴⁸ К а н е в Г р и г о р и й Г а в р и л о в и ч (1889—1938) — коми-ижемец. Житель Ловозера. Малограмотный. Имел 8 детей в возрасте от 9 до 27 лет. В 1931 г. осужден на 2,5 года «за убой оленей». Вторично арестован 8 марта 1938 г. «Признался», что являлся руководителем контрреволюционной группы ижемцев, вел агитацию, разработал план теракта на секретаря Ловозерского райкома. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (лл. 134, 165).

⁴⁹ Е л и с е е в Г е о р г и й В и к т о р о в и ч (1909—1997) — партийный работник. Уроженец Курской области. С 1937 г. — в Мурманском округе, секретарь Ловозерского райкома ВКП(б). Когда арестованных в Ловозерском районе «зашкалило» за 100 человек, он выступил против действий райуполномоченного НКВД Михайлова. Однако того прикрыло мурманское начальство. В годы Великой Отечественной войны — секретарь Кандалакшского горкома партии. Автор книги «Прифронтовая Кандалакша» (Мурманск, 1985).

⁵⁰ Мурманский округ в то время административно входил в состав Ленинградской области.

Приложение 1

А К Т

22 октября 1938 года мною комендантом УНКВД ЛО старшим лейтенантом госбезопасности Поликарповым А. Р. на основании предписания за №051 от 21 октября 1938 года приведен в исполнение приговор особой тройки УНКВД ЛО в отношении Алымова Василия Кондратьевича. Вышеуказанный осужденный расстрелян. [Подпись] (л. 159).

22 октября 1938 года.

Приложение 2

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО А. С. САЛАЗКИНА ОТ 26 МАРТА 1938 Г.

Ответ на вопрос следователя, при каких обстоятельствах произошла его вербовка Алымовым.

«Летом 1931 года я направился из Ленинграда на работу по обследованию пастбищ оленсовхоза, расположенного в Иокангско-Понойской тундре. При проезде через город Мурманск я обратился к заведующему окружным статистическим бюро Алымову Василию Кондратьевичу, чтобы получить от него ряд статистических данных, необходимых для моей работы. До этого я с Алымовым знаком не был и знал его только понаслышке. После разговора с Алымовым он предложил мне остаться у него на квартире до парохода. Я прожил у него около недели. Дожидаясь парохода, с Алымовым мы ежедневно разговаривали на разные темы, преимущественно относительно оленеводства и местных жителей-саамах, где Алымов высказывал мысль, что саамы представляют остатки наиболее древнего населения Европы, стоявшего в ледниковый период на уровне первобытной оленеводческой культуры и отодвинувшегося по мере отступления ледникового покрова к самой северной оконечности Европы. По его мнению, культура саамов является осколком наиболее древней культуры Европы и которая оказала в свое время сильное влияние на более южные культуры Европы, отступив затем к Северу и сохранившись

до недавнего времени пока на прежнем уровне. По заявлению Алымова, за последние несколько сот лет замечается под влиянием более культурных соседей (финнов и норвежцев) значительный расцвет саамской культуры в основном на самобытной почве. В Мурманском округе это явление замечается у западных саамов (нотозерцы, экостровцы и прочие), находящиеся в более тесной племенной, территориальной и культурной связи с зарубежным саамским населением.

Восточная же ветвь саамов (ловозерцы, семиостровцы и иоканчане) стоят на более низком культурном уровне и постепенно утрачивают свою национальную самобытность, подпадая под влияние русской, коми-ижемской культуры.

По мнению Алымова, для спасения и дальнейшего расцвета саамской культуры необходимо выделение национальных саамских районов (западного и восточного) и создание саамского культурного языка и письменности на основе западно-саамского диалекта. Выбор западного, а не восточного диалекта в качестве основы для литературного саамского языка определялся, по словам Алымова, тем обстоятельством, что западная ветвь саамов является более культурной и самобытной, представляя к тому же отпрыск большой этнической саамской группы в Финляндии и Норвегии, которые по своей численности более чем в десять раз превосходят саамское население Мурманского округа.

От вопроса о саамской культуре Алымов перешел на вопрос коллективизации, говоря, что коллективизация идет вразрез с саамской культурой, разрушая установившиеся самобытные формы саамского быта, культуры и формы ведения хозяйства. Раскулачивание в оленеводческих хозяйствах Мурманского округа, по мнению Алымова, является необоснованным и подрывает оленеводческие хозяйства. С этими контрреволюционными националистическими взглядами Алымова я был вполне согласен. Видя это, Алымов предложил мне, пользуясь допущенными при коллективизации перегибами и ошибками местных властей, дискредитировать коллективизацию в глазах местного населения, настраивать саамов против советской власти и подготавливать этим выход из колхозов. Так как я был убежден, что коллективизация на Севере, несомненно, провалится, предложение Алымова принял» (лл. 110—120).

ПРИМЕЧАНИЕ

Салазкин Александр Сергеевич (1894—1938) — геоботаник. Родился в г. Касимове Рязанской области, потомок старинного купеческого рода. (Отец — Сергей Сергеевич Салазкин — ученый-биохимик, бывший министр просвещения в правительстве Керенского). В 1930—1932 гг. по заданию Географического общества СССР исследовал ягельные площади Иоканго-Понойского участка, отведенного опытному оленеводческому совхозу «Ленпушныны» (См.: Костриц И. Б., Пинхенсон Д. М. Географическое общество Союза ССР: 1917—1967. — М., 1968. — С. 33—34; ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 6, лл. 65, 73—74). После окончания работ остался на Кольском полуострове, работал в этом оленеводческом хозяйстве научным сотрудником, жил с семьей в п. Оксина. Автор ряда статей об оленеводстве и лишайниках. Арестован 2 марта 1938 г. По плану «заговорщиков», как бывший колчаковский офицер, в правительстве будущего Саамского государства должен был занять пост военного министра. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г.

О братьях Салазкиных (Аркадий Сергеевич и Сергей Сергеевич), политических деятелях, предпринимателях, благотворителях, на Рязанщине помнят, их биографии есть в «Рязанской энциклопедии», но о племяннике и сыне Александре Сергеевиче Салазкине местные краеведы, видимо, не знают. Судьба десятилетнего сына и жены Натальи Ивановны Салазкиной не выяснена.

Приложение 3

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО Я. И. ОСИПОВА ОТ 25 МАРТА 1938 Г.

Ответ на вопрос следователя, при каких обстоятельствах был вовлечен в контрреволюционную организацию.

«В 1930 году у меня имелось большое желание учиться грамоте, но не знал куда мне поступить. По этому вопросу я посоветовался с педагогом Кольской неполной средней школы Чарыгиным*. Последний, переговорив с Алымовым и узнав, что имеется вакантное место для учебы в Институте народов Севера, по телефону поставил меня в известность (деревня Юркино). После этого я встретился со студентом Института народов Севера Герасимовым Александром Григорьевичем, с которым посоветовался, а затем вместе поехали в г. Мурманск к Алымову за направлением (...) Алымов дал мне направление на подготовительное отделение. Во время разговора со мной Алымов мне сказал, что в этом институте учится много местной молодежи, из которой подготавливается своя саамская интеллигенция для поднятия саамской культуры, письменности и т. д.

Приехав в Ленинград, в Институт народов Севера, там я встретил своего двоюродного брата Осипова Ивана Андреевича, который учился на 3 курсе, одновременно являлся секретарем саамского землячества, а председателем этого землячества был Герасимов Никон Петрович. На третий день моего вступления в Институт народов Севера Осипов и Герасимов познакомили меня с научным работником

* Чарыгин Александр Михайлович (1883—1980) — педагог. Родился в Санкт-Петербурге. С 1925 г. — в Мурманской губернии. В 1927—1958 гг. — учитель физики, математики, директор Кольской средней школы. В 1949 г. награжден орденом Ленина.

института, он же преподаватель саамского языка, — Черняковым З. Е. Последний был доволен тем, что возрастает саамское землячество. Это саамское землячество являлось зародышем контрреволюционной организации, где специально готовилась саамская интеллигенция...» (л. 104—105).

Приложение 4

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО А. А. ЯКОВЛЕВА ОТ 16 МАРТА 1938 Г.

Ответ на вопрос следователя, при каких обстоятельствах завербован Алымовым.

«Познакомился с Алымовым я в 1927 году (...) Через окрисполком прислал мне письмо, чтобы я срочно достал три упряжки оленей для поездки Алымова с секретарем ЦИК СССР Киселевым в тундру для ознакомления с жизнью и бытом саамского населения. Алымов произвел на меня хорошее впечатление, я считал его одним из лучших людей. После этого я к Алымову обращался со всеми нуждами и разными справками. Алымов охотно меня принимал и оказывал во всем содействие. В беседах со мной Алымов интересовался жизнью саамского населения, культурой, письменностью, говорил, что саамскому населению необходимо объединиться и создать самостоятельное саамское государство (...) В беседах со мной говорил, что советская власть мало уделяет внимания малым народностям, что советская власть хороша только для русских, стремящихся поработить саамов (...) В одну из таких бесед в 1927 году Алымов предложил мне оказать ему помощь в работе, которую он ведет вместе с другими учеными людьми среди саамского населения по его объединению, чтобы впоследствии создать саамскую автономию, на что я дал свое согласие...» (л. 96).

Приложение 5

СУДЬБА ОСТАЛЬНЫХ ОБВИНЯЕМЫХ ПО ДЕЛУ № 46197

Бардаев Василий Иванович (1905—?) — карел. Уроженец дер. Княжая Кандалакшского района Мурманской области. Житель Каневки. Имел детей — 2 и 12 лет. В 1937 г. судим за алименты. Вторично арестован 20 марта 1938 г. Признал себя виновным в контрреволюционном заговоре, изобличен очными ставками с обвиняемыми односельчанами. 26 июня 1939 г. Мурманским областным судом оправдан и освобожден (л. 154).

Валеев Степан Феоктистович (1898—?) — ненец. Уроженец пос. Канин Архангельской области. Житель Каневки Саамского района. Имел шесть детей в возрасте от 7 месяцев до 16 лет. Неграмотный. Работал в оленеводческом совхозе. Арестован 17 марта 1938 г. Осужден на 10 лет лагерей. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 146).

Герасимов Макар Михайлович (1909—1938) — саам. Уроженец дер. Нотозеро. Житель Юркино. Единоличник-олeneвод. Малограмотный. Арестован 26 февраля 1938 г. Обвинялся, что завербован Г. Мошниковым, вел антисоветскую агитацию, вышел из колхоза. Признал себя виновным. Осужден на 10 лет лагерей. Дело прекращено из-за смерти 5 декабря 1938 г. Реабилитирован 12 мая 1989 г. прокуратурой Мурманской области (лл. 149, 179).

Горбунцов Степан Петрович (1901—1938). Уроженец и житель с. Поной Мурманской области. Имел двух детей 4 и 10 лет. Малограмотный. Пастух в колхозе «Север». В Гражданскую войну служил в белой армии. В 1936 г. «пытался совершить теракт» над начальником милиции и сотрудником райотдела НКВД в Ловозере. Арестован 18 марта 1938 г. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 150, 178).

Дмитриев Андрей Михайлович (1870—?) — саам. Уроженец с. Тюва-Губа. Житель с. Воронье. Колхозник-олeneвод. Неграмотный. Арестован 30 марта 1938 г. Обвинялся, что завербован Яковлевым и состоял в контрреволюционной организации, участвовал в подготовке вооруженного восстания. 17 апреля 1939 г. Мурманским облсудом приговорен к 8 годам, о вступлении приговора в силу подтверждения нет (л. 144).

Друженков Иван Андреевич (1901—?) — саам. Уроженец и житель с. Поной Мурманской области. Рыбак в колхозе «Север». Имел троих детей от 1 до 10 лет. Малограмотный. Арестован 18 марта 1938 г. Обвинялся, что завербован односельчанами, состоял в контрреволюционной организации, готовился к вооруженному восстанию. Признал себя виновным. Осужден на 10 лет лагерей. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 153).

Канев Егор Васильевич (1887—?) — коми-ижемец. Уроженец с. Ловозера. Оленевод-колхозник в селе Чальмны-Варрэ. Имел семь детей в возрасте от 3 до 16 лет. Арестован 16 марта 1938 г. Обвинялся, что состоял в контрреволюционной организации, вел антисоветскую агитацию, участвовал в подготовке вооруженного восстания. Виновным себя не признал. Осужден на 10 лет лагерей. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 148).

Канев Яков Николаевич (1891—?) — коми-ижемец. Уроженец дер. Бакур Печорского уезда Архангельской губернии. Житель Каневки, оленевод в совхозе. Имел восемь детей в возрасте от 7 до 15 лет. Малограмотный. Обвинялся, что состоял в контрреволюционной организации, вел антисоветскую агитацию и вредительскую деятельность. Виновным себя признал. Мурманским облсудом оправдан 18 апреля 1939 г. (лл. 147, 179).

Матрехин Алексей Лукич (1895—1938) — саам. Уроженец и житель Иоканги Саамского района Мурманской области. Оленевод в колхозе «Авт-Варрэ». Имел двух детей — 2 и 9 лет. Арестован 22 марта 1938 г. Обвинялся во вредительстве (испортил орудия лова на 6468 рублей), в организации вооруженного восстания, для чего «хранил три боевых винтовки». Признал себя виновным. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 137).

Осипов Ефим Яковлевич (1889—?) — саам. Уроженец и житель пос. Юркино Кольского района Мурманской области. Оленевод колхоза «Юркино». Имел трех детей от 7 до 23 лет. Малограмотный. Арестован 28 февраля 1938 г. Обвинялся, что состоял в контрреволюционной организации, вел антисоветскую агитацию, вредительствовал. Виновным себя признал. Осужден на 10 лет лагерей. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 145).

Рочев Иван Пегасиевич (1882—?) — коми-ижемец. Уроженец с. Бакунинское Архангельской губернии. Житель Ловозера, работал в колхозе «Тундра». Арестован 13 марта 1938 г. Обвинялся, что состоял в контрреволюционной организации, вел антисоветскую агитацию, участвовал в подготовке вооруженного восстания. Признал себя виновным. 18 апреля 1939 г. Мурманским областным судом приговорен к 8 годам лагерей (лл. 145, 179).

Селиванов Алексей Игнатьевич (1886—?) — саам. Уроженец и житель пос. Воронье Ловозерского района Мурманской области. Оленевод-единоличник. Имел пять детей в возрасте от 1,5 до 16 лет. Малограмотный. Арестован 13 марта 1938 г. Обвинялся, что состоял в контрреволюционной организации, вел антисоветскую агитацию. Виновным себя не признал. Дело возвращено на доследование. Осужден 3 июня 1940 г. к 5 годам лагерей (лл. 149, 179).

Совкин Алексей Модестович (1884—1938). Уроженец и житель с. Поной Саамского района Мурманской области. Работал кладовщиком в колхозе. Имел троих детей в возрасте от 11 до 26 лет. В 1932 и 1936 гг. привлекался к суду, приговаривался к 1 и 4 месяцам исправительно-трудовых работ. Арестован 27 марта 1938 г. Обвинялся в том, что завербован в контрреволюционную организацию и потом сам вербовал в нее односельчан, вредительствовал, готовился к вооруженному восстанию. Признал себя виновным. Расстрелян 22 октября 1938 г. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 152).

Туркачев Яков Николаевич (1917—?) — ненец. Уроженец и житель с. Ловозера. Оленевод-единоличник. Арестован 13 марта 1938 г. Обвинялся, что состоял в контрреволюционной организации, вредительствовал, нелегально хранил 3 боевые винтовки, готовился к вооруженному восстанию. Признал себя виновным. Осужден на 10 лет лагерей. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 151).

Филиппов Серапион Степанович (1898—?) — коми-ижемец. Уроженец дер. Лиур Архангельской губернии. Житель Ловозера. Оленевод-единоличник. Имел пять детей в возрасте от 1 до 11 лет. В 1918—1919 гг. служил в белой армии. Обвинялся, что завербован в контрреволюционную организацию, в 1936 г. демонстративно вышел из колхоза «вместе с подговоренными им 15 семьями». Признал себя виновным. 18 апреля 1939 г. оправдан Мурманским областным судом (лл. 142, 179).

Хатанзей Василий Егорович (1894—?) — ненец. Уроженец и житель Ловозера. Оленевод-единоличник. Неграмотный. Арестован 27 марта 1938 г. Обвинялся, что завербован в контрреволюционную организацию, «вел террористические разговоры о необходимости уничтожения коммунистов». Признал себя виновным. 18 апреля 1939 г. Мурманский областной суд приговорил к 5 годам, но 15 июня 1939 г. Верховным судом РСФСР приговор был отменен и обвиняемый освобожден (лл. 140, 179).

Чупров Федор Васильевич (1886—?) — коми-ижемец. Уроженец с. Бакур Архангельской губернии. Житель Ловозера. Оленевод-единоличник. Имел пять детей в возрасте от 1 до 18 лет. Арестован 13 марта 1938 г. Обвинялся, что завербован в 1931 г. в контрреволюционную организацию, вел антисоветскую агитацию, готовился к вооруженному восстанию. Осужден к 10 годам лагерей. Реабилитирован 4 июля 1957 г. (л. 143).

Захарий Черняков
и Никон Герасимов
в 30-е годы